

УДК 94(470.67)

**ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА КАВКАЗЕ
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.**

М.-П. Б. Абдусаламов

**SHAMKHALATE OF TARKI IN THE RUSSIAN CAUCASIAN POLITICS
IN THE LATE 16TH – FIRST HALF OF THE 17TH CENTURIES**

М.-П. Б. Abdusalamov

В статье рассматривается самое большое и могущественное образование Дагестана – шамхальство Тарковское. Это феодальное образование характеризовалось высоким для своего времени уровнем экономического развития и отличалось сложной социальной структурой общества. В конце XVI – первой половине XVII в. шамхальство Тарковское играло ключевую роль в политических событиях Дагестана. Тарковские шамхалы проводили политику, направленную на сохранение самостоятельности и независимости в отношении трех соседних держав – России, Ирана и Турции, и политику, направленную на доминирование своей роли в политической жизни дагестанских государственных образований.

The paper studies the largest and mightiest estate of Dagestan – the Shamkhalate of Tarki. This feudal foundation could be characterized with highly developed economics and social structure of the society. In the late 16th – first half of 17th centuries the Shamkhalate of Tarki played the main part in politic events in Dagestan. The Tarki shamhals pursued the policy directed on the Shamkhanate' remaining indepent from the three neighbouring empires (Russia, Turkey and Iran), and on dominating in the political life of Dagestan state foundations.

Ключевые слова: Северный Кавказ, шамхальство Тарковское, Эндирей, Султан-Мут, междоусобица, Кумыкская плоскость, коалиция, Москва, шерт, аманаты.

Keywords: North Caucasus, Shamkhalate of Tarki, Andirey, Sultan-Mut, civic strives, Kumyk plain, coalition, Moscow, chert, amanat.

Наиболее крупным феодальным владением Дагестана в конце XVI – начале XVII вв. было шамхальство Тарковское. Границы его простирались с севера на юг – от Кабарды и р. Терек вдоль Каспия до владений Аварского ханства [8, с. 292].

Шамхальство располагало большими для того времени военными силами: могло выставить до 15 тысяч воинов со всей подвластной ему территории [7, с. 307].

Являясь сложным по своему этническому составу объединением, в условиях роста сепаратистских устремлений удельных князей шамхальство во второй половине XVI в. начало обнаруживать тенденции к распаду. «Смутным было положение в Дагестане, – писал А.-К. Бакиханов. – Чубан-шамхал (*Чопан – М.-П. А.*), владевший всем краем от границ Кайтага, Кюринского округа, Аварии, Черкесии и реки Терека до моря Каспийского, умер в Буйнаке в 982 (1574 г.). Его сыновья разделили между собою все владения. Эльдар избрал своим местопребыванием Буйнак и Тарки; Мухаммад остался в Казанище, Андий – в Кафир-Кумыке, Гирей – Гили и управляли они своими уделами независимо друг от друга. Однако общий правитель или шамхал избирался поочередно из этих четырех домов» [4, с. 108].

После смерти Чопан-шамхала в 1574 г. в ходе междоусобной борьбы один из его сыновей – Султан-Мут, рожденный от кабардинки из узденского рода Анзоровых, с помощью своих родственников утвердился в Засулакской Кумыкии, избрав своей резиденцией сел. Эндирей [8, с. 292].

По этому поводу А.-К. Бакиханов писал: «...сыновья Чубан-шамхала, ... не дали никакого удела брату своему Султан-Буту, рожденному от дочери Узун-Черкеса (черкесского узденя), почитая его джанкой. Султан-Бут... отправился просить помощи к черкесам. Собрав там войско, он возвратился в Дагестан и принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между реками Сулак и Терек, нижнюю часть Мичикича и Салатовского округа, до горы Керхи, что на границе Гунбета» [4, с. 108 – 109].

В первой половине XVII в. власть шамхалов над удельными владетелями была номинальной. Последние действовали совершенно самостоятельно. Вопрос о замещении престола всегда стоял остро и приводил к кровавым столкновениям. В междоусобицы претенденты не раз вовлекали правителей других феодальных владений [8, с. 292].

Обособление земель с центром в Эндирее привело к разногласиям среди владетелей шамхальства, к образованию соперничавших между собой группировок, чем в XVII в. пытались воспользоваться Иран, Турция и Россия.

Во второй половине XVI – начале XVII в. шамхальству Тарковскому пришлось вести борьбу за независимость от царской России. Россия повела наступление на юго-восток, чтобы реализовать планы проникновения из Астрахани на Северный Кавказ, в Дагестан, а далее – в страны Закавказья. Несомненную роль играло при этом и стремление Москвы взять под свой контроль трассу международного торгового пути, шедшего из Европы через Москву по Волге, Кас-

пию через Дагестан в страны Закавказья и Иран [7, с. 382].

Русское правительство, заинтересованное в укреплении своих юго-восточных границ, охотно шло на сближение с кумыкскими феодальными владельцами. Кумыкские владения благодаря своему выгодному географическому положению играли важную роль в политических процессах, происходивших в Дагестане, так как через их территорию пролегал значительный отрезок транскавказского Прикаспийского пути [1, с. 3 – 4].

По мере обострения международных отношений вокруг Кавказа политическое значение дорожных магистралей, проходивших через Северный Кавказ, постоянно возрастало. Поэтому Россия принимает все меры, чтобы установить свой контроль над северокавказскими торговыми путями. Важную роль в этом сыграла система военных крепостей России на Восточном Кавказе (8, с. 316).

«С этих пор мысль о господстве на Кавказе становится как бы наследственной в русской истории», – писал В. А. Потто [17, с. 8].

В 1588 г. был построен город на месте слияния Терека и Тюменки. Этот город получил название Терского, или Терки. Строительство этого городка-крепости встревожило шамхала Тарковского. Антирусские настроения шамхала усилились и в связи с тем, что уже в 1589 – 1590 гг. терский воевода Хворостинин открыто теснил его на р. Сулаке, отнял у него рыбные ловли и всякие угодья. В результате этого похода было выбрано место для строительства еще одной российской крепости в регионе. Для реализации этого плана весной 1591 г. из Москвы были направлены на Терек воеводы Гр. О. Засекин и П. М. Шаховской. Они должны были повести 100 волжских и 500 яицких казаков на шамхала. Целью похода была объявлена необходимость привода под царскую руку шамхала Тарковского, ориентированного в своей политике на Порту (7, с. 384). Поводом к организации похода против шамхала были использованы неоднократные обращения кахетинского царя Александра к Москве «посадить» в Тарках «государевых людей», чтобы обеспечить сообщение с Кахетией через кумыкскую землю [6, с. 285 – 286].

Царские войска из Терского города направились к Эндирею, захватили его после кровопролитного боя и сожгли. В сражении самого «шамхала ранили и многих людей его побили», некоторых захватили в плен [5, с. 251 – 251]. Закрепившись на берегу реки Койсу, царские воеводы стали планировать строительство крепости на Койсу. Они возобновили также городок у впадения Сунжи в Терек [13, с. 276]. Однако этот поход вызвал отрицательный для России политический резонанс, вызвал острое недовольство Порты и ее вассала – Крыма, которым за помощью и обратился шамхал. Султан и крымский хан стали требовать снесения российских крепостей и вывода русских войск из занятых ими мест Дагестана, поскольку занятие ими основных стратегических позиций по берегам рек Койсу и Терек лишало Турцию возможности распространить и закрепить свое влияние на Северном Кав-

казе (7, с. 384). Однако царское правительство, учитывая внутривосточные трудности Османской империи, не стало реагировать на угрозы султана, стало решительнее проводить свою политику на Северном Кавказе.

Следует отметить, что воеводе Засекину не удалось подавить сопротивление шамхала Тарковского, продолжавшего проводить независимую от Москвы политику. Поход его не дал желаемых и царем Кахетии Александром результатов. Поэтому он стал добиваться у Москвы организации нового похода против шамхала. По этому поводу С. А. Белокуров писал: «В грамоте, присланной в 1592 г. с послами кн. Арамом и архим. Кириллом, он (*кахетинский царь – М.-П. А.*) снова бил челом о присылке на Шевкала большой рати, так как ранее рать была не великая, чтобы она пошла к Таркам, и, взяв их, сидели бы в них государевы люди и оттуда воевали Кумыкскую землю, привели Шевкала под царскую руку и очистили дорогу в Кахетию через Кумыкскую землю» [5, с. 253].

По сообщениям С. А. Белокурова, «грузинские послы Авраам и Кирилл в июне 1593 г. были отпущены с известием, что посылает на Шевкала большую рать с кн. Андр. Хворостининым – оборонить Александра от Шевкала и Кумыков и засесть Тарки, посадив в них Крым-Шевкала свата царя Александра» [5, с. 5].

«В 1594 г., вследствие просьбы Кахетинского царя Александра – «учинить шавкалу утеснение великое» из Астрахани был отправлен отряд войска под начальством князя А. Хворостинина. В нем на стороне Хворостинина приняли участие и отдельные мурзы Больших ногаев, кабардинские отряды. Проводником им служил некий дербентский житель Аллага, который хорошо знал «тамошние места, Тарки и иные городки и места горских и кумыкских людей». Первоначально события развивались в пользу царских войск. Хворостинину удалось построить сильную крепость при устье Сулака и разместить в ней 1000 стрельцов во главе с князем Вл. Т. Долгоруким. В. А. Потто писал: «Шамхал с тарковцами, кумыками и ногаями, встретил русских на реке Койсу, но не удержал переправы и отступил к Таркам. Город Тарки, ... не имел особенно сильных укреплений и взять его не стоило особого труда. Но удержаться в нем было трудно. Шамхал был сторонником выжидательного способа ведения войны и следовал дагестанскому правилу: «ловить скорпиона за хвост» [17, с. 9]. «Между тем тарковцы подняли соседей, окружили Тарки, лишили подвоза продовольствия для русского отряда», – отмечал П. И. Ковалевский [11, с. 15]. «Шамхал держал русских в блокаде, – писал В. А. Потто, – сперва широкой, а потом более и более тесной. Встревоженный Дагестан каждый день высылал к нему новые, и наибольшую поддержку давал при этом сильный аварский хан, находившийся в родстве с тарковскими шамхалами. Осажденные изнурялись в постоянных битвах, и все ждали прибытия грузинской рати, но она не приходила...» [17, с. 9]. По свидетельству Н. М. Карамзина, князь А. Хворостинин «... не встретил ни сына, ни свата Александра,

ждал их тщетно, непрестанно бился с горными жителями, ежедневно слабел в силах и должен был, разорив Тарки, бежать назад в Терскую крепость...» [10, с. 113 – 114]. «Экспедиция Хворостинина окончилась плачевно: он взял Тарки, но, будучи осужден в ней шамхалом и горцами, пришедшими к нему на помощь, принужден был покинуть город, и в низовьях Озени потерпел такое поражение от шамхала, что с трудом спасся с остатками своего отряда на Терек», – писал Е. И. Козубский [12, с. 172].

Трагедию отступления войск воеводы А. Хворостинина детально описывает В. А. Потто: «Отступавших стали настигать толпы неприятельской конницы, которая с разных сторон завязывала бой с визгом и криком, а вдали, позади ее, в грозном безмолвии поднимались облака пыли от тяжело двигавшихся главных сил шамхаловой рати. Отбивая наседавшую конницу, русские ускоряли ход и бросали тяжелый наряд и повозки. Бросали и трудно больных и раненых. Тарковцы и аварцы накидывались на них, ... и их отчаянные вопли надрывали сердца московских ратников. ... Русские упорно отбивались, то останавливаясь и стораюсь «в кольцо», то вновь двигаясь и устилая путь каждого перехода телами убитых и раненых своих и неприятельских. Только на закате солнца русским удалось добраться до Койсу, где наступившая ночь и обоюдное истощение сторон прекратили битву. Воевода Хворостинин пережил свое несчастье и привел обратно на Терек едва четвертую часть своего отряда» [17, с. 10].

По сообщениям С. А. Белокурова, «тогда убили Ив. Вас. Измайлова, Ив. Петр. Федорова и иных многих дворян и голов стрелецких, ратных же людей на том бою пало яко 3,000» [5, с. 5 – 6].

Ни крым-шамхал, ни кахетинский царь Александр, просившие о походе на шамхала, не оказали содействия А. Хворостинину. Поражение царских войск в шамхальстве в 1594 г. имело серьезные последствия. Оно на десять лет нейтрализовало политику царизма в Дагестане. Его наступательный порыв на Дагестан получил серьезный отпор [7, с. 385]. Но Россия и после этого продолжала сохранять за собой, хотя и с большим трудом, стратегические пункты в бассейнах рек Терек и Койсу, о чем свидетельствует сообщение секретаря, а потом и главы посольств императора Рудольфа II в Иран Текандера, посетившего эти места в 1603 г. по пути из Персии. Он писал, что «городок Койс (*Койсинский острог* – М.-П. А.) выстроен недавно, несколько лет тому назад, ... чтобы москвиты имели безопасный от черкесов и кумыков проезд по морю в Персию, а также ради полосы земли в этом месте, из-за которой москвиты ежегодно ведут войну и которая им уже стоила много тысяч людей» [18, с. 128].

В конце XVI в. русское правительство попыталось договориться с шамхалом об урегулировании пограничных споров и приведении его к присяге. Но эти переговоры не дали положительных результатов. Шамхал в категорической форме требовал сноса Койсинского острога [8, с. 341 – 342].

В начале XVII в. политическая ситуация на Кавказе обострилась: Иран и Турция в 1603 г. возобновили войну за господство на Кавказе и каждая из этих стран вынашивала идею захвата Тарковского шамхальства, как и Дагестана в целом [7, с. 385]. Воспользовавшись занятостью Ирана и Турции в войне за господство на Кавказе, царское правительство сделало еще одну попытку утвердиться на Кумыкской плоскости.

Необходимо отметить, что национальные интересы России в тот период не требовали проведения активной политики на Кавказе. Но сам Борис Годунов, чье положение было шатким, вследствие разрухи государства был заинтересован во внешнеполитических успехах для упрочения своего правления. С другой стороны, к подобным действиям толкали обязательства, неосторожно данные «христианской» Грузии. И, в третьих, Москва не желала усиления на Северном Кавказе позиций своего вчерашнего союзника – шахского Ирана [3, с. 282].

«Царь Борис не хотел оставить дела, начатого Федором Ивановичем и, ... в 1604 г., вновь двинул на Терек сильные полки из Казани и Астрахани с воеводами Бутурлиным и Плещеевым», – писал В. А. Потто [17, с. 10].

В состав этого сильного отряда вошли, по словам С. А. Белокурова, «стрельцы из Москвы, Чебоксар, Свияги, Казани и Астрахани, Ногайские князи и мурзы, Терские ратные люди и др.» [5, с. 6 – 7]. Кроме того, в походе участвовали и войска кабардинского мурзы Сунчала Янглычева и чечено-ингуши под начальством Батая Шихмурзина. Царские войска заняли Эндирей, заложили крепость на Тузлуке. Они вели себя как настоящие завоеватели [9, с. 160].

«Тем временем русские воеводы с десяти тысячным отрядом выступили от устьев Терека и, продвигаясь твердым шагом на Тарки, поставили крепостцы на Сулаке и Акташе, – писал В. А. Потто. – Отдельные части отряда производили поиски к Эндери, Исти-су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и конские кормы. Кумыкская плоскость, казалось, была вся во власти русских, но более воинственное население уходило к шамхалу под Тарки, с враждою и злобой за причиненное ему разорение. Тогдашний шамхал, этот Митридат для московских воевод, уклонялся от полевых действий и сосредоточивал свои силы в Тарках, оборона которых была приведена им в лучшее положение...» [17, с. 10 – 11].

У Тарков произошло решающее сражение между ратью шамхала Тарковского и царскими войсками. Бутурлин занял Тарки, но это не принесло ему желаемых результатов, так как грабительская политика царских воевод в отношении местных жителей вызвала в Кумыкии подъем освободительной борьбы. К Таркам стали стягиваться вооруженные отряды горцев со всего Дагестана [18, с. 131].

Инициативу в борьбе с царскими войсками проявляли эндиреевский владетель Султан-Махмуд и шамхал Гирей Тарковский, которые перед этой опасностью на время оставили свои разногласия и направили все свои силы на изгнание царских войск из Да-

гестана. Как писал А.-К. Бакиханов, «в 1012 (1604) г. Султан-Бут (*Султан-Махмуд – М.-П. А.*) привел 13 тыс. черкесов, которые были подкреплены крымскими татарами и Гирей-хан шамхалом, сыном Чубан-шамхала (*Чопан-шамхала – М.-П. А.*) [4, с. 110]. По свидетельству С. А. Белокурова, «соединившись вместе, «Шевкал, Крым-Шевкал, Кумыцкие мурзы, а с ними Турского салтана паша из Шамахи и с ними Турские люди и енычя», осадили Койсу, где сидел воевода кн. Вл. Тим. Долгорукий. Он, «видя, что ему не отсидеться», покинул Койсу и морем «отошел на Терек». Тогда осаждавшие, оставив Койсу, перешли к Таркам» [5, с. 10].

«Неприятельской рати собралось из кумыцких владений, аварских и других лезгинских обществ, более двадцати тысяч...», – писал В. А. Потто [17, с. 12].

В условиях начавшейся зимы из-за отсутствия фуража и продовольствия войска Бутурлина теряли боеспособность. Кроме того, болезни, постоянные нападения горцев наносили им значительный урон. Войскам Бутурлина пришлось выдержать тяжелую зимовку в блокадных условиях без поддержки из России, так как Борис Годунов, борясь с самозванцем Лжедмитрием I, отвлекся от дагестанских дел. Смерть же царя Годунова в апреле 1605 г. вовсе лишила воеводы Бутурлина поддержки из Москвы [18, с. 132].

Создавшееся критическое положение вынудило Бутурлина пойти на переговоры с шамхальской коалицией и договориться с ее лидерами о предоставлении его войскам свободного отхода из Тарков за Койсу. Бутурлин потребовал от шамхала в заложники его сына на время до ухода из Тарков за Сулак всех оставшихся в Тарках русских воинов. Шамхал, Султан-Махмуд Эндиреевский и шемахинский паша дали согласие на это [7, с. 387]. Но слово не было сдержано. Когда царские войска выступили из Тарков и направились в сторону Сулака, внезапно они были атакованы крупными силами горцев. Обстоятельно картину этой битвы описывает В. А. Потто: «Случилось, что в тот же день шамхал праздновал свой брак с дочерью аварского хана. К свадьбе, по обычаю, приготовлены были сотни тулуков бузы, которой стало угостить всю 20-ти тысячную рать, стянувшуюся к Таркам на выручку шамхала. Вся эта сила, разделенная на несколько частей, двинулась скрытными местами вслед за русскими и неожиданно ринулась на них со всех сторон, когда они, перейдя речку Озень, расположились нестройно на привал... Неприятельские наездники врзались в русские ряды, не дав им устроиться и воспользоваться преимуществом, которое давал им «огненный бой». Смятение увеличивали все новые и новые неприятельские толпы, стремившиеся одна за другой с длинными кинжалами в руках. Бой был рукопашный; русские сбивались в кучу, не сдавались на делаемые им предложения и резались отчаянно...» [17, с. 13 – 14]. О героизме царских войск свидетельствует и А. А. Неверовский: «Русские защищались отчаянно: с обеих сторон было ужасное кровопролитие, пока наконец все наши не пали с оружием в руках» [15, с. 12].

С. А. Белокуров писал: «Ратные люди на том шташа, что ни единому человеку живу в руки не даться и бияхуся с ними, якоже всем поганым дивиться их мужеству и храбрости. Все побиеши быша от поганых, малых же взяша в плен, которые от ран изнемогоша... Яко быти всем побиенным числом более 7,000 кроме людей боярских». Бутурлин с сыном и другие воеводы были убиты, только некоторые из них были взяты в плен [5, с. 10].

«Сия битва на 118 лет изгладила следы российского владения в Дагестане», – отмечал Н. М. Карамзин [10, с. 37]. Результаты похода 1604 – 1605 гг. царских войск в Тарковское шамхальство, обошедшегося царской казне более 300 тыс. руб. серебром, оказались практически равными нулю [10, с. 37].

Таким образом, этот поход царских войск оказался неудачным, не привел к усилению позиций царской России в землях шамхальства Тарковского, как и Дагестана в целом. Основными причинами поражения царских войск в походе можно считать как военно-стратегические просчеты воеводы Бутурлина, далеко оторвавшегося от основных баз снабжения и оставшегося зимовать во враждебном окружении в Тарках с незначительным контингентом войск, так и отсутствие поддержки со стороны грузинского царя Александра.

Главная же причина этого поражения заключалась в решительности горцев бороться за независимость от царизма. Поход вызвал новый подъем освободительной борьбы горцев, обеспечивший успех шамхальской коалиции. Эта борьба приобрела общedaгестанский характер.

В разгроме царских войск несомненно, главную роль сыграли кумыки, которыми руководили тарковский и эндиреевский владетели. Это ясно отразилось в сообщении воеводы Бутурлина в Москву из Тарков, где говорится, что «как приходили шефкаловы дети (*кумыкские князья – М.-П. А.*), собравшись со всеми кумыцкими и горскими людьми всех земель на государевых людей, которые шли назад на Терку ис Тарков, и бой был во весь день...» [5, с. 480].

Что касается вмешательства Порты в этот конфликт, следует отметить, что в 1605 г. она никак не могла оказать серьезной помощи тарковскому шамхалу в борьбе с войсками Бутурлина, так как вела тяжелую и изнурительную войну с Сефевидским Ираном, перешедшем еще в 1603 г. в успешное наступление по всему Закавказью.

Стоит признать, что вмешательство султанской Турции в русско-шамхальский конфликт объяснялось ее опасениями навсегда лишиться влияния на Дагестан, в частности и Тарковское шамхальство [18, с. 135].

Итак, попытки царизма в конце XVI – начале XVII в. утвердиться силой оружия в Дагестане, в частности в шамхальстве Тарковском, окончились неудачей. России не удалось добиться в этом направлении успеха из-за отдаленности театра действий от центра России, отвлечения от дагестанских дел начавшейся иностранной интервенцией, а также консо-

лидации сил кумыкских феодальных владетелей перед лицом внешней агрессии.

Царское правительство в дальнейшем изменило тактику борьбы за влияние в Дагестане. Оно стало на путь привлечения кумыкских владетелей на свою сторону торгово-экономическими привилегиями. Такая политика царского правительства способствовало улучшению взаимоотношений шамхальства Тарковского с Россией [18, с. 136]. Царь высылал кумыкским князьям, в том числе и шамхалу Тарковскому, богатые подарки, предоставлял им право беспошлинной торговли в России или снижал пошлины с их товаров. В 1627 г. были отменены пошлины с товаров Эльдара Тарковского, привезенных в Москву, а в 1630 – 1631 гг. он добился от царя грамоты об освобождении его товаров стоимостью в 600 руб. от пошлины в Астрахани. Эти торгово-экономические акции со стороны царского правительства в отношении кумыкских феодальных владетелей объективно способствовали усилению влияния России в Дагестане [5, с. 535].

Еще сильнее сказывалось их влияние на установление военно-политических связей между царскими властями и феодальными владетелями Дагестана, в частности с кумыкскими, которые, опасаясь агрессии персидских шахов, один за другим стали обращаться к Москве с просьбами о военной помощи и покровительстве, выражая при этом готовность вступить в подданство России. Уже в 1610 г. терские воеводы через посредничество кабардинского князя Хорошая Шолохова добились принятия присяги на верность царю кумыкских владетелей: шамхала Тарковского Гирея, Сурхая Карабудахкентского, Казаналипа Эндиреевского, сына шамхала Альбирия, Будаичи Эрпелинского и др. Также поступил Султан-Махмуд Эндиреевский после изгнания его на время царскими воеводами из Эндирея в «Окоцкие кабаки» [7, с. 404 – 405].

В 1614 г. шерть была повторена, и тогда же из Дагестана в Москву прибыл посол шамхала Томулдук, который официально подтвердил акт вступления тарковского владетеля Гирея Сурхаева в русское подданство. По сообщению посла, «Гирей-князь за свою братью и за детьми... великому государю... шерть учинил, что ему, Гирею... великому государю... служить во веки и прямити и ни к которым государям не пристава-ти» [5, с. 532 – 533].

За 28 лет, с 1614 по 1642 г., в Москве побывало 13 посольств от тарковских шамхалов [6, с. 289]. Такая активность кумыкских феодальных владетелей была вызвана опасением нашествия иранских войск, о чем они уже знали [7, с. 405]. В 1615 г., когда ожидался поход шахских войск на кумыкские владения, из Москвы к шаху Аббасу I был послан специальный гонец Г. Шахматов с грамотой, где писалось о том, «чтоб нд кумыцкимим людьми от шах-Баса какая поруха не учинилась» [16, с. 533].

Иранские шахи не могли открыто отказать Москве в этом в условиях длительных войн с Турцией за господство на Кавказе. Это еще более повысило авторитет России в глазах дагестанских владетелей, в том числе и кумыкских, которые выразили в 20 – 30-х гг. XVII в. готовность вступить в подданство России, служить

царю [7, с. 405]. Так, в 1630 г. шамхал Эльдар Тарковский в письме царю Михаилу Федоровичу писал: «...учинился мы с вами в дружбе и любви, так же как наперед сего с вами отцы наши были в дружбе и впред хотим с вами быть в дружбе свыше того нерушимо... И я ныне учинился под царскою рукою в прямом холопстве, прямее всей своей братьи и что будет государское повеленье, на том я и стану стоять, и великого государя другу буду другом, а недругу недругом, и никому с вами драки чинить будет невозможно» [14, с. 90].

В эти же годы шло соперничество за власть в шамхальстве между тарковскими и эндиреевскими владетелями, которые стремились заручиться поддержкой Москвы, прекрасно использовавшей все это в своих целях. Сначала царское правительство покровительствовало тарковским шамхалам. Это покровительство продолжалось до 1635 г., пока проиранская ориентация претендента на шамхальский престол Сурхая Тарковского не привела к непризнанию Москвой его шамхалом. В силу этого шамхалом Тарковским оставался до его гибели в 1641 г. сын Султан-Махмуда Эндиреевского Айдемир, наладивший связи с Москвой [7, с. 405].

Царское правительство проводило в целом гибкую политику в отношении кумыкских феодальных владетелей. Оно учитывало их межфеодальные усобицы, привлекая каждого из них в отдельности на свою сторону, поддерживая их противоречия. Таким способом, Россия претворяла в жизнь древнеримский принцип: «Разделяй и властвуй!». Так, было дано указание терским воеводам «Ильдару-мурзу с Салтан Магмутом-мурзю ссорити тайным обычаем», чтобы им про это было «не ведомо» и не дать им «помиритца» [18, с. 140]. В отписке терских воевод А. Н. Головина и др. от 15 декабря 1632 г. в Польский приказ о взаимоотношениях между шамхалом Эльдаром и Султан-Махмудом Эндиреевским, царское правительство выразило недовольство Эльдару Тарковскому за его попытку через посредничество уцмья Рустам-хана помириться с Султан-Махмудом: «... посылали де Илдаршевкал и Салтан-Магмут к уцмею кайдацкому для того, чтоб он, уцмей кайдацкой, их мирил. И по их, государь, присылке и по письму уцмей кайдацкой приехал в Тарки к Илдаршевкалу при нем Ондрее. И, видевся де уцмей с шевкалом и говоря, поехал в Ондрееву деревню к Салтан-Магмуту для того, чтоб Салтан-Магмута помирить с шевкалом. А держит де, государь, Илдаршевкала, чтоб не миритца с Салтан-Магмутом...» [14, с. 97 – 98]. Эта двойственность политики царского правительства тормозила установление доверия к нему кумыкских феодальных владетелей, понимавших ее смысл, о чем свидетельствуют слова Мамет-хана таркаловского терскому воеводе П. Головину в 1615 г.: «Лутче бы де государь в Кумыцкой земле учинил владельца одново князя, любо Салтан-Магмута велел разорити или, дав своих государевых ратных людей Салтан-Магмуту, нас велел повоевати и под царскою де высокую рукою Кумыцкая земля тверда будет и одномышленна» [14, с. 51].

Однако царское правительство продолжало вести свою двойственную политику, давая обещание каж-

дому из кумыкских владетелей защищать их от «недругов» и выплачивая жалованье и т. д. [7, с. 405 – 406].

В 1641 г., после смерти шамхала Айдемира, когда между кумыкскими князьями разгорелась междоусобная борьба за титул шамхала, шах Аббас II решительно стал на стороне Сурхая Тарковского, выдал ему грамоту на шамхальство и оказал военную помощь против «недругов».

Планы шаха заставили русское правительство изменить своей традиционной политике поддержки тарковских шамхалов против эндириевских владетелей. Самодержавие стало на путь привлечения к себе на службу эндириевских князей. Уже в 1641 г. эндириевский владетель Казаналип дал присягу на подданство России. В ней указывалось: «мне, Казаналпу, и детям моим, и братьям, и дядям и племянником, и всему роду моему, и нам, мурзам, и роду нашему со всею своею землею нашего владенья под его царскою высокою рукою в вековом холопстве неотступно... мне, Казаналпу, и детям моим, и роду моему, и племянникам, и мурзам государева повеленья слушать, и служить ему, государю... Царю Михаилу Федоровичу и ... кн. Алексею Михайловичу... впредь... служите и прямите и во всем добра хотети против сей шертовальной записи» [14, с. 154 – 156]. В 1642 г. царское правительство послало грамоту к Султан-Махмуду с предложением помощи и покровительства в случае военного столкновения с шамхалом Тарковским: «... ты, Салтан-Магмут-мурза, з детьми наши царского величества неотступные холопи. ... И ты б, Салтан-Магмут-мурза, нам, великому государю, з братьею своею, и з детьми, и с племянники, и со всеми своими людьми и вперед служил, и в нашем царское жалованье под нашу царскою высокою рукою был неотступен, и на наших непослушников с своими ратными людьми, где наше царское повеленье будет, ходил... А мы, великий государь, будем к тебе, ... наше царское жалованье держать, смотря по вашей службе. И вперед бы еси на нашу царскую милость был надежен» [14, с. 159].

Тем временем, в 1642 г. Сурхай Тарковский вновь обратился в Москву с просьбой выдать ему грамоту, утверждавшую его шамхалом. На этот раз настойчивые просьбы Сурхая были удовлетворены. В грамоте царя Михаила Федоровича от 25 мая 1643 г. Сурхаю Тарковскому об утверждении его шамхалом говорилось: «И пожаловали есмь по твоему челобитью, учинили тебя в Кумыках к большому чину в шевкальстве... И ты б шевкал Суркай, будучи в Кумыках на шевкальстве, нам, великому государю, нашему царскому величеству, з братьею своею, и з детьми, и с племянники, и со всеми людьми о нашем государском деле радел, и в нашем царском жалованье под нашу царскою высокою рукою был навеки неотступен, и на наших недругов и непослушников с своими ратными, где тебе наше царское повеленье будет, ходил и под нашу царскую высокую руку их приводил» [14, с. 160 – 161].

В основном, кумыкские феодальные владетели обращались к России с просьбой оказать им помощь, принять их в русское подданство и с предложением

своих услуг. Все укреплявшиеся взаимоотношения Кумыкии с Россией привели к тому, что в первой половине XVII в. в подданство России вошли кумыкские владетели Гирей Тарковский, Султан-Махмуд Эндириевский, его сын Казаналип, Багомет Кафыр-Кумухский, Эрпелинский князь Будаичиев и др. [6, с. 292].

Следует отметить, что в общей политике, проводимой царской Россией на Кавказе, немаловажную роль играло заложничество – так называемая система аманатов, которая в руках кавказской администрации была надежным средством политического воздействия и подчинения горских владетелей в той внешней политике, которая проводилась вплоть до покорения Кавказа [1, с. 89]. Как писал С. А. Белокуров, «Гирей мурза, ... государю, даст оманаты, ого ты, государь, велишь у него взяти. И ныне, государь, в Терском городе Суркай-Шевкаловых детей Гиреева брата Илдара мурзы сын Амирхан мурза с уздени сидят в оманатах» [5, с. 535]. В грамоте царя Алексея Михайловича от 9 марта 1646 г. Казаналипу Эндириевскому сказано: «... приехал ты в Терской город и правду нам, великому государю, дал на куране шертовал, чтоб тебе нам, великому государю, служить и быть под нашу царскою величества высокою рукою со всеми своими людьми, и в оманаты в Терской город дал сына своего Хан-мурзу...» [14, с. 177 – 178].

Таким образом, шамхальство Тарковское в политике России на Кавказе в конце XVI – первой половине XVII в. занимало видное место. Повышенный интерес царизма к шамхальству был обусловлен тем, что оно являлось самым могущественным феодальным владением Дагестана и занимало весьма важное стратегическое положение. Раздробленность, междоусобицы в Тарковском шамхальстве всячески использовали в интересах колонизации Дагестана Иран, Турция и Россия. Царская Россия стремилась использовать территорию шамхальства как стратегический плацдарм в борьбе с шахским Ираном и султанской Турцией, а также для распространения своего влияния на весь Дагестан. Взаимоотношения шамхальства с Россией были многогранными. В конце XVI – начале XVII в. в политике царизма доминирует военный аспект. Россия стремилась утвердиться в землях шамхальства Тарковского силой оружия. Однако, такая политика обернулась для нее катастрофой. Объединенные силы кумыкских феодальных владетелей нанесли России серьезное поражение. Из-за попыток великих соседних держав создать укрепленные базы на дагестанских землях, в частности на Кумыкской плоскости, вспыхивала самая упорная, отчаянная борьба и в XVI, и в XVII вв. Учитывая свои просчеты и ошибки, Россия радикально меняет свою политику на Кавказе. Она торгово-экономическими мерами привлекает кумыкских феодальных владетелей на свою сторону, выдавая им подарки и денежные вознаграждения, а также снижая им торговые пошлины. Такая гибкая политика принесла свои плоды: уже в первой половине XVII в. подданными России признали себя шамхал Сурхай Тарковский и другие кумыкские владетели.

Литература

1. Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Народы Дагестана, 2008. 192 с.
2. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Махачкала: Юпитер, 1994. 173 с.
3. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI – XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 423 с.
4. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
5. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин. ин. дел. Вып. 1 (1578 – 1613 гг.). М., 1889. 582 с.
6. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. 431 с.
7. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I: История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 627 с.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. I.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: Книжное издательство, 2008. 828 с.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. Т. X. М., 1989.
11. Ковалевский П. И. Кавказ. Т. I: Народы Кавказа. СПб.: Тип. М. И. Акинфиева, 1914. 344 с.
12. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура: Тип. В. М. Сорокина, 1902. 443 с.
13. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
14. Маршаев Р. Г. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.: документы и материалы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
15. Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен.-уч. завед., 1848. 42 с.
16. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / сост. Н. И. Веселовский. 1890 – 1898. Т. II. СПб.: Тип. «Лештуковская Наровая Скоропечатня П. О. Яблонского», 1892. 445 с.
17. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. Вып. 1: С древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. В. А. Березовского, 1887. 702 с.
18. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Изд-во ДагФАН СССР, 1973. 250 с.

Информация об авторе:

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – доцент Дагестанского государственного института народного хозяйства, Россия, vikingpasha@mail.ru.

Mahomed-Pasha B. Abdusalamov – Assistant Professor at Dagestan State Institute of National Economy.

Статья поступила в редколлегию 09.06.2014 г.